

Фольклорные мотивы в изображении Артемиды древнегреческими поэтами (Пиндар и Телесилла) ¹

Образ Артемиды с древнейших времен привлекал внимание поэтов, которые, по-видимому, еще до Гомера охотно использовали его в соответствии со своими поэтическими замыслами, и потому образ богини, не исчерпывающийся представлениями архаической религии (сколь бы важной она ни была для поэтов) и восполненный фантазией, отличался от Артемиды как прямого объекта культа.

Среди различных функций, которыми наделяет Артемиду Гомер, одной из важнейших является способность и склонность богини нести смерть. Так, в «Илиаде» она послала смерть матери Андромахи (VI, 482), убила дочь Беллерофонта (VI, 205). Сюда же относится пожелание гибели Брисеиды (пусть и ирреальное), которое высказывает Ахилл (XIX, 59). В «Одиссее» она убила Арнадну, дочь Миноса (XI, 324), и жертвами ее стрел стал охотник Орion (V, 123). Часто Артемида действует заодно со своим братом Аполлоном. В «Илиаде» она убивает дочерей, а Аполлон — сыновей Ниобы (XXIV, 606). В «Одиссее» она вместе с Аполлоном, тихо сойдя на землю, перебивает состарившееся поколение острова Сироса (XV, 410).

Об Артемиде — носительнице смерти говорит и Пиндар, повествуя о гибели Коронида, пораженной золотыми стрелами Артемиды по просьбе разгневанного Аполлона (Пиф. III, 10), и в рассказе о мести Артемиды Титию, посягнувшему на Латуну (Пиф. IV, 90).

На фоне такого материала в лирической поэзии имеются фрагменты, в которых Артемида выступает в роли, казалось бы, ей несвойственной. Спасаясь от преследования, Артемида у Пиндара и Телесиллы, вместо того чтобы, по своему обыкновению, расправиться с преследователями стрелами, как и подобает грозной богине, неожиданно предпочитает действовать хитростью: то превращается в лань, то скрывается в толпе нимф, измазав лицо илом.

В первом случае речь идет о фрагментах Пиндара. В переводе М. Л. Гаспарова эти фрагменты звучат так:

¹ Рукопись депонирована с некоторыми изменениями в ИНИОН СССР № 11845 от 21 дек. 1982 г. Редкол. журн. Вестник ЛГУ. Сер. история, язык, литература. Л., 1982.

...Быстрые всходи в крутые взметнув небеса...

Вбили друг в друга копыя обоюдной смерти...²

В лемме сказано, что здесь говорится об Оте и Эфиальте. Из «Одиссеи» мы знаем, что От и Эфиальт — это братья-великаны, угрожавшие богам взгромоздить гору Осса на Олимп, а на Оссу — Пелион и так достичь неба, за что были убиты стрелами Аполлона (XI, 307—320). О смерти Алоадов на острове Наксосе упоминает Пиндар (Пиф. IV, 89).

Более понятным становится фрагмент Пиндара, если сравнить его с рассказом автора «Библиотеки» (I, 7,4): «Артемиде уничтожила Алоадов на острове Наксосе, прибегнув к обману. Приняв образ лани, она прыгнула и встала между ними. Алоады же, пытаясь поразить животное дротиками, пронзили друг друга» (Пер. В. Г. Боруховича)³.

Таким образом, у Пиндара представлен любопытный фольклорный мотив — хитрость, с помощью которой обычно более сильных противников заставляют сражаться и даже убивать друг друга. Этот мотив обследован в справочнике Стифа Томпсона (1082. 0.1.K.1082.2)⁴. Он широко распространен у многих народов: в Греции, Германии, Индии, Исландии, Африке, Индонезии, среди коряков и эскимосов.

Приведем несколько примеров этого универсального мотива из античной литературы. В мифе об аргонавтах есть эпизод, когда Язон по совету Медеи бросает камни среди воинов, выросших из посеянных в землю зубов дракона, в результате чего каждый воин, думая, что это делает сосед, вступает с ним в сражение (Аполлодор I, 9,23; Апол. Род. III, 1364—1380; Гигин 28).

Таким же образом поступает и Кадм, бросая камни среди Спартов (Аполлодор III, 4,1).

В позднем варианте мифа, переданном Гигином (28), излагается одна из вариаций известного из «Одиссеи» рассказа: когда Алоады посягнули на Артемиду, Аполлон, защищая ее, послал между ними лань, целясь в которую, они убили друг друга копьями.

² Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подг. М. Л. Гаспаров. М., 1980. Фрагм. 162—163.

³ Аполлодор. Мифологическая библиотека / Изд. подг. В. Г. Борухович. Л., 1972.

⁴ Thompson St. Motif-Index of Folk-Literature. 2-nd. Bloomington, 1955—1958. 6 Vols.

Бликий к изложенному выше фольклорный мотив находим в немецкой сказке «Храбрый портняжка» братьев Гримм⁵. Портняжка, взобравшись на дерево, под которым спали два великана, бросает в них камни. Великаны просыпаются. Каждый из них, думая, что камни бросает его сосед, вступает в драку, которая кончается смертью обоих великанов.

Точно такой же сюжет и в корякской сказке «Хитрый Вика»⁶. Вика, как и портняжка, с дерева бросает камни в спящих на земле великанов. Они просыпаются и вступают в драку.

Подобный сюжет представлен и в исландской саге⁷. В ней рассказывается, как сын бедного крестьянина, мстя за отца, на пиру у короля приколачивает гвоздями одежду кутил к скамьям. Когда пьяные обнаруживают происшедшее, каждый думает, что это проделки другого — тогда король и его люди начинают убивать друг друга.

У индейских племен Северной Америки этот мотив связан с ведьмами, имеющими острые локти. Они имели обыкновенные сажать между собой человека, попавшего в их жилище, и протыкать его насмерть своими острыми локтями. Но герой обманывает старых ведьм, помещая между ними какой-нибудь предмет. Думая, что между ними сидит их гость, те начинают колоть друг друга, пока не протыкают насмерть⁸.

Итак, универсальность интересующего нас мотива (хитрость, при помощи которой более сильных противников заставляют сражаться и даже убивать друг друга) не может вызвать сомнения.

Рассмотрев фрагмент Пиндара, обратимся к фрагменту песни поэтессы VI в. до н. э. Телесиллы. Сохранилось два стиха:

Артемиде же, о девы,
Бежавшая от Алфея.

Эту песню старался реконструировать Р. Герцог⁹, по мнению которого далее излагался сюжет, известный нам из «Описания Эллады» Павсания (VI. 22,8): «Алфей влюбился

⁵ Grimm. Вг. Kinder und Hausmärchen. В., 1959. N. 20.

⁶ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. № 138.

⁷ Jiriczek O. L. Amletsage auf Island. Germanistische Abhandlungen. Breslau, 1896. Hf. 12. S. 103.

⁸ Lowie R. H. The Assiniboine // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1910. Vol. IV. Part 1. P. 183—184.

⁹ Herzog R. Auf den Spuren der Telesilla // Philologus. 1912. 71. S. 1—23.

в Артемиду, но, влюбившись и поняв, что ни убеждениями, ни просьбами ему не склонить ее на брак, он решился овладеть богиней насильем; он явился в Летрины на ночной праздник, управляемый самой Артемидой и нимфами, которые, веселясь, присоединились к ней и сопровождали ее на праздник, но Артемиду, подозревая Алфея в злом умысле, вымазала лицо грязью и илом, как у себя, так и у тех нимф, которые тут были, и, когда пришел Алфей, он не мог отличить Артемиду от других и вернулся, не выполнив своего намерения (Пер. С. П. Кондратьева).

Как и в рассматриваемом фрагменте Пиндара, Артемиды опять выступает в несвойственной ей роли. Как будто забыв о своих смертоносных стрелах, она идет на хитрость: измазав себя и других илом, становится неузнаваемой.

Подобный мотив встречается в сказке братьев Grimm «Девушка-дикарка» (№ 65). Дочь короля, видя, что нет никакой возможности отвлечь от себя страсть отца, бежит из дома в лес, делая себя совершенно неузнаваемой: она вымазывает себе лицо и руки сажей.

Задача, которая стояла перед Алфеем — узнать Артемиду среди подобных ей нимф, — встречается во многих сказках. Узнавание определенного лица в толпе совершенно сходных с ним лиц происходит в долганском мифе: прозорливец во сне пытается узнать среди трех совершенно одинаковых по внешнему виду девушек умершую дочь старика¹⁰. Этот же мотив встречается во многих русских, белорусских и украинских сказках: «Учитель и ученик»¹¹, «Ивашка, белая рубашка, горький пьяница»¹², «Хитрая наука»¹³, «Морской царь и Василиса премудрая»¹⁴, «Ох»¹⁵ и другие¹⁶, а также в индийском эпосе (Дамаянти среди пяти похожих друг на друга муж-

¹⁰ Долганский фольклор. М., 1937. С. 65.

¹¹ Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. № 64.

¹² Садовников Д. Н. Указ. соч. № 1.

¹³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1938. Т. 2. № 249—252.

¹⁴ Афанасьев А. Н. Указ. соч. № 219—220.

¹⁵ Рудченко И. Народные южно-русские сказки. Киев, 1870. С. 109.

¹⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Сказки. Вып. 6. Могилев, 1901. № 32; Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. I. СПб., 1891. № 28; Романов Е. Р. Белорусский сборник. Т. I. Вып. 3. Сказки. Витебск, 1887. № 15—16.

чин выбирает Наля)¹⁷, в индонезийских преданиях¹⁸, в еще одной сказке братьев Гримм¹⁹ и в вариантах былины о Садко²⁰.

Итак, перед нами мотив явно фольклорного происхождения — геронья прячется среди себе подобных.

Наряду с существованием такого мотива, вероятно, было и празднество, какой-то местный культ, в котором, как предполагает Л. Венигер²¹, разыгрывалось представление: Артемида пряталась среди нимф, а Алфей пытался узнать ее. М. Нильссон²² также говорит, что лицо, намазанное илом, напоминает глиняные маски из Спарты, и считает, что намазывание лица происходило в культе в духе общей тенденции к переодеванию и надеванию маски²³.

В. Я. Пропп²⁴ отмечал, что задача — узнать искомого среди равных — встречается не только в мифах и сказках, но и как элемент свадебного обряда, зарегистрированный по всей Европе вплоть до XIX века.

Этот фольклорный мотив — узнавание определенного лица среди неотличимо похожих, использованный поэссой VI в. до н. э., дожил почти до наших дней. У Н. В. Гоголя²⁵, который часто черпал сюжеты из народной поэзии, мы находим очень близкую параллель в повести «Майская ночь, или утопленница», когда Левко пришлось среди русалок, одинаковых по внешнему виду, узнать ведьму.

Вернемся к фрагментам греческих поэтов. Артемида, оказавшись в трудной ситуации, могла бы немедленно распра-

¹⁷ Махабхарата. Сказание о Нале / Пер. с явд. Б. А. Смирнова. Ашхабад, 1959. III. Гл. 56.

¹⁸ Dixon R. B. Miscellaneous Tales // The Mythology of all Races. Boston. 1916. Vol. IX. P. 216—239.

¹⁹ Grimm. Op. cit. N. 62.

²⁰ Онежские былины, записанные летом 1871 года А. Ф. Гильфердинг-гом. М.; Л., 1949—1950. I. С. 654; Былины / Под ред. В. Миллера. М., 1908. С. 265.

²¹ Weniger L. Der Artemisdienst in Olympia und Umgegend // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 1907. Bd. 19. S. 103—105.

²² Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. S. 491; Greek Popular Religion. New York. 1940. P. 16.

²³ О масках, найденных в храме Артемиды Орфии в Спарте, см.: Bosanquet R. C. The Cult of Orthia as Illustrated by the Finds // The Annual of the British School at Athens. 1905—1906. N. 12. P. 338—343.

²⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 302.

²⁵ Чудаков Г. И. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя // Университетские известия. Киев. 1906. № 12. С. 1—37.

виться со своими преследователями — с Отом и Эфиальтом (у Пиндара) и с Алфеем (у Телесиллы). Ведь именно так она поступила с Буфагом, который, как и последние, осмелился на нее посягнуть: «Говорят, что Артемида поразила своей стрелой Буфага на горе Фолое, дерзнувшего посягнуть на богиню» (Пер. С. П. Кондратьева. Павс. VIII. 27, 17).

Безусловно, и Пиндару, и Телесилле были хорошо знакомы основные функции и важнейшие места культа богини Артемиды. Не менее известен был им и ее грозный поэтический образ у Гомера. Однако наряду с этим, вне всякого сомнения, тем же поэтам были отлично известны и фольклорные мотивы, бытующие в народе независимо от рассказов о богах — о том, как девушка, спасаясь от преследования мужчины, скрывается в толпе себе подобных, или, как человек, попавший в трудное положение, хитростью заставляет опасных противников сражаться и убивать друг друга. И вот поэты с успехом используют эти увлекательные мотивы в традиционном материале поэзии, перенося их с безымянных народных образов на богиню из олимпийского пантеона.

Таким образом, сюжеты, введенные Пиндаром и Телесиллой, представляют собой поэтическую обработку универсальных фольклорных мотивов, в результате чего в их произведениях и возникают новые черты в облике богини, отличающиеся от ее грозного первообраза у Гомера, в основном определившего позднюю традицию.

Е. В. СМЫКОВ

Марк Антоний и политика *clementia Caesaris*

В ноябре 42 г. до н. э. в битве при Филиппах была уничтожена последняя армия Римской республики.

*Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum tetigere mento.*

«В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
И грозные бойцы в крови легли во прахе», —

писал позже Гораций, в молодости отдавший дань республиканским увлечениям (Ног. Сarg. II. 7. 11—12. Пер. А. А. Фета). Республиканцы, уцелевшие в сражении и не попавшие в руки победителей, искали спасения в бегстве на острова Средиземного моря, в Малую Азию и к парфянам.